

УДК 81'373

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РУССКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Л.А. Усманова, кандидат филологических наук

Достижение высокого уровня языковой компетенции возможно при наличии представления о той картине мира, которая свойственна родному языку, и соотношении ее с картиной мира, отраженной в системе изучаемого языка. В результате формируется языковая личность, «в которой сбалансированы черты универсальной и родной культуры, толерантность и открытость к восприятию новых реалий, а стереотипность мышления не заслоняет способности адекватно интерпретировать информацию, поступающую как в вербальной, так и невербальной форме» [Язык и культура, 2000].

При изучении любого неродного языка в сознании билингва происходит стихийное взаимодействие двух языковых систем — родного и изучаемого неродного, что может привести к разного рода интерферентным ошибкам, возникающим под влиянием лингвистических законов родного языка. Именно этим обстоятельством диктуется необходимость сопоставительного изучения языков, которое должно занять надлежащее место в системе подготовки учителей, обучающихся второму языку (например, учителей русского языка для татарской школы).

При сопоставлении языков в учебных целях важное значение приобретают содержание и характер сопоставления. Обучая учащихся-татар мыслить и общаться на русском языке, необходимо вести работу по определению значения слова. По мнению К.З. Заки-

рьянова, в первую очередь «необходимо установить, как выражается то или иное лексическое и грамматическое значение в сопоставляемых языках. Так как одно и то же значение (и лексическое, и грамматическое) передается в разных языках разными средствами, поэтому основную задачу сопоставительного изучения языков составляет установление в них эквивалентных средств для выражения тождественных значений»². Значение и форма языковых единиц выявляются в контексте в процессе функционирования их в речи, т.е. сопоставительный анализ фактов двух языков будет соответствовать схеме: значение — форма — функция.

В качестве примера сопоставительного изучения разноструктурных языков нами были рассмотрены функциональные особенности цветообозначений красного тона в русской и татарской литературе начала XX в.

Поскольку цвета играют большую роль в формировании художественной картины мира того или иного поэта и с каждым цветом у представителей разных лингвокультурных общностей связаны определенные ассоциации, те или иные цветовые предпочтения, то сопоставительный анализ является методом для выявления универсальных свойств и национальной специфики цветообозначающей лексики в разных языках.

Цветообозначения красного тона отличаются широким употреблением, многозначностью и большим сочетательным потенциалом в произведени-

ях как русских, так и татарских авторов. Общность и специфичность сочетаемых свойств исследуемых лексем в русском и татарском языках обусловлены их многозначностью.

В плане функционально-семантической характеристики исследуемых лексем было установлено, что сочетаемые свойства цветообозначений красного тона и их внутрисистемные отношения (парадигматические и синтагматические) могут содержать общие и идиоэтнические признаки, что в прикладном плане означает наличие сходных, универсальных лексико-семантических вариантов при различной сочетаемости. Различия при совпадении ЛСВ зависят от особенностей мировидения разных народов, поскольку «каждому языку соответствует своя особая организация данных опыта и в разных языках одни и те же зоны смысла покрываются словами неодинаково»³.

К числу универсальных относятся прямое номинативное, собственно цветное значение, некоторые оценочные значения, выражающие эмоциональное отношение к называемым реалиям и их цвету, а также символические значения.

Цветовые номинации красного тона в русских художественных текстах представлены лексемами *красный, алый, розовый, багровый, багряный, пурпурный (пурпуровый), пунциковый, рдяный, рубиновый, гранатовый, червонный, кумачовый*.

Исследуемые цветообозначения красного тона в татарской литературе имеют следующий синонимический ряд: *кызыл, кызгылт, кие кызыл, кансу кызыл, ут төсле, кызылсу, ал, алу, канлы*.

Как видим, синонимические ряды цветových прилагательных в русском языке богаче, чем в татарском, и среди них выделяются градационные ряды. Слова ряда дифференцируются на основании оттенков значения. Вокруг слова-доминанты *красный (кызыл)* объединяются цветообозначения различных оттенков красного тона, которые можно условно разделить на три груп-

пы: цветообозначения ярко-красного тона, светло-красного тона и темно-красного тона¹.

Особое положение среди экспликативных реализаций, так и по семантико-эстетической значимости в обоих языках занимают лексемы *красный (алый) – кызыл (ал)* (и их дериваты). Они имеют широкий круг значений и участвуют в создании различных поэтических образов. При этом одни из них в контактирующих языках соответствуют, другие – нет. Совпадения в цветовыражении касаются прежде всего привычности, естественности, эмоционально-экспрессивной силы образов, создаваемых с помощью указанных средств. Так, наиболее традиционной, частотной смысловой зоной реализации указанных цветообозначений в обоих языках является соотнесенность с солнцем и распространяющимися от него лучами, поэты активно используют эти лексемы при номинировании цвета утренних и вечерних зорь: *Красное, лучистое, / Солнце чуть сквозит (И.А. Бунин «Рыжими иголками...»); Уже поют / В рассвете алom муэдзины (И.А. Бунин «Шипит и не встает верблюд...»);*

Сап-сары, кызгылт кояш та зурая, шундук бая (Поднялось желтое, красноватое солнце и погасло (М. Гафури «Кызгылт кояш» – «Ярко-красное солнце»); Галибанә яктырып, әкрән генә ал таң ата... (Величаво и спокойно разгорается алая заря (Г. Тукай «Жәйге таң хатирәсе» – «Летняя заря»); Кояш инде түбән булып, төсе кызгыл, күләме шактый зур күрәнә иде. Көнбатыш як ачык түгел. Кояш шәүләсе кызарткан оешык болытлар фикергә калган төсле күрәнә иделәр (Солнце было уже низко. Оно выглядело багровым и большим. На востоке стояли облака. Заалевшиеся от лучей заходящего солнца, они, казалось, погрузились в думы (Ш. Камал «Козгыннар оясында» – «В вороньем гнезде»);

При создании соответствующих поэтических образов русскими авторами используются также и несобственно

цветовые лексемы, с которыми на дено-тативном уровне связано представление о красном цвете: *малиновый, вишневый, кровавый, румяный, пламенный, огненный* (За дальней их чертой *погас закат румяный/ Но точно ждет чего вечерний тихий час* (И.А. Бунин «Могилы, ветряки, дороги и курганы...»); *Настали поздние сумерки, а за ними теплая поздняя ночь, но еще долго, до самой полуночи, тле-ла густая малиновая заря* (А.И. Куприн «Поединок»); *Но, едучи кататься, видел осинку в этой зелени – совершенно малиновая! ...целый островок желтого (в которое пущена красная краска – светлая охра? Нет, не то!) – особый цвет осенних берез* (И.А. Бунин «Окаянные дни»).

Доказательством этимологической связи цветообозначений красного тона с процессом горения служат примеры метафорической соотнесенности с данным процессом, причем в отличие от татарских текстов, где употребляется только эпитет *кызыл*, русские авторы привлекают цветовые слова для обозначения как самого цвета огня, так и его отсветов, распространяющихся на окружающие реалии: *Ялкын сибеп, кызыл кумер чэчеп, / Ут яңгыры ява, боркелә... (Идет дождь, огнем полыхает, / Пламенем и красным углем сыла (Ш.Бабич «Күзеңне ач!» – «Открой глаза!»); Өермәләр ясыи кызыл уттан (Из красного огня делает бурю (Ш.Бабич «Күзеңне ач!» – «Открой глаза!»);*

Корабли в багряном зареве заката (И.А. Бунин «Закат»); *Тонет солнце, рдяным углем тонет...* (И.А. Бунин «Бог полдня»); *Солнце к морю спускается./Светит по морю красным огнем* (И.А. Бунин «Один»); *На ледяном Казбеке блещет/ Востока розовый огонь...* (И.А. Бунин «Стена горы – до небосвода...»); *Солнце садилось в пожаре пурпурного пламени и расплавленного золота* (А.И. Куприн «Одиночество»); *На западе за городом горела заря. Точно в жерло раскаленного, пылающего жидким золотом вулкана сваливались тяжелые сизые облака и рдели кроваво-красными, и янтарными, и фиолетовыми огнями* (А.И. Куприн «Поединок»).

Факт этимологической соотнесенности с лексемами *огонь* и *пламя* позволяет выявить в художественной речи русских авторов позиции взаимозаменяемости с цветовыми прилагательными красного тона, тем самым обнаруживая способность к установлению с ними близких синонимических отношений¹: *Красным пламенем* настурции горят (И.А. Бунин «Первый утренник, серебряный мороз...»); *Дивная орлица:/ Плещется крылами, красными, как пламень* (И.А. Бунин «Там не светит солнце, не бывает ночи...»); *Чернеют пламенные дали* (А.Блок «Благовещение»); *И на заре, когда с заката/ Пурпурный блеск огня и злата/ Пожаром терем освещал* (И.А. Бунин «Листопад»).

По семантическому признаку «яркий» выявляется также цветовая характеристика крови, причем в татарском языке данная сочетаемость является устойчивой, в русском же языке, по мнению Е.В. Рахилиной, для слова *кровь* «признак цвета не является различительным и, в общем случае, не релевантен для атрибутивной конструкции с ним, т.к. данная лексема уже имеет фиксированный цвет»⁴, что тем не менее не исключает вероятности встретить подобные сочетания в художественных текстах: *И глаза великана/ Красной кровью свирепо горят* (И.А. Бунин «Каин»);

Бушка акмас пакъ, кызыл кан: аннан аккан тамчылар/ Жиргә тамгач, шул урыннан кып-кызыл голләр чыгар (Не зря пролита красная кровь: если капельки эти/ Попадут в землю, там выйдут ярко-красные цветочки (М.Гафури «Изге юлда» – «На священном пути»); Бир син миңа/ сугышып, шул сугышта/ Кызыл каннар тамган кулыңны (Дай мне руку, на которую в боях/ Красная кровь проливалась не раз (М.Гафури «Бир кулыңны» – «Дай мне руку»).

Эпитеты-соответствия *кровавый* – *канлы* активно употребляются как в русской, так и татарской литературе. Причем данную цветовую номинацию татарские поэты чаще используют при описании событий Октябрьской революции, Гражданской войны, а также

первой и второй мировых войн (канлы яшь (кровавые слезы), канлы куллар (кровавые руки), канлы уklar, сөнгеләр (кровавые стрелы, копья), канлы ил (кровавая страна), канлы пәрдә (кровавый занавес) у Х.Такташа⁵.

В текстах русских авторов у лексемы *кровавый* наряду с эмоционально-оценочным признаком со знаком «-» (зловещий, страшный, тревожный и т.п., приобретающим подчас символическое звучание), н-р, у И.А.Бунина *Кровавый свет зари* («Стой, солнце!»); Туманно *утро красное*, туманно/ *Кровавое* не светит и не греет («Казнь»), также выявлены лексемы «красивый, торжественный» при описании цвета осенней листвы: *Клен в жадовском саду — цвета королька, по оранжевому темно-красное...лес еще весь зеленый — и вдруг одно дерево, сплошь все в листве прозрачной, багряно-розовой с фиолетовым тоном крови* <...> *Еще не желтые осинки, но дорога вся усыпана их листвою круглой — сафьян малиновый, лимонный, палевый, почти канареечный есть* <...> *...хорош был кровавый клен. Я взял листок. Он сейчас передо мной, точно его, бывший светло-палевым, обмакнули в воду с кровью* («Окаянные дни»).

Эстетическая сущность лексем *кызыл*, *ал*, *алсу* как номинатора цвета (света) утренних зорь, нежного цвета кожи способствует реализации в семантической структуре данных слов целого комплекса коннотативных признаков с доминирующим признаком «прекрасный». Типичные образы *кызыл ирен*, *ал* (*алсу*) *йөзең* (красные губы, розовое, алое лицо), естественные и выразительные в татарском языке, не имеют эмоционально-экспрессивной силы для русского читателя: *Кызыл ирен бер елмайса, ходай шаһит./ Бөтен фикер әсир төшәр, гахыл шүрләр* (Если красные губки улыбнутся хоть раз./ Все мысли мои в плену, теряется разум (Ш.Бабич «Матур сыннар» — «Красивый стан»); *Сәрвәр туташ! Алсу йөзең, күзең күркәм... (Сарвар туташ! Щеки розовы, глаза прекрасны... (Ш.Бабич «Исемнәр бакчасы» — «Сад имен»); Күзләреннән шаян нурлар агып чыгып./ Ал йөзенә таралалар борын буй-*

лап (Озорные искры из глаз ее сыплются./ И по алым щекам рассыпаются (Ш.Бабич «Исемнәр бакчасы» — «Сад имен»).

Специфичным для татарского языка является также прием сравнения образа молодой девушки, возлюбленной с алым цветком: *Кызыл гол төсле ирене уртасыннан/ Тезелгән энҗедәй тешләр күренде* (Показались зубки, как кристаллы./ Меж губ, похожих на красные цветы (М.Гафури «Көлде» — «Улыбнулась»); *Кайвакыт сүтелеп төшә дә ал яңақлар өстенә./ Ул кызыл гөлдәй яңақларның берәз урынын күмә* (Когда локоны падают на алые щеки/Красные как цветы щёки закрываются слегка (М.Гафури «Чөчә» — «Ее локоны»); *Ал гөлем син, тармагы гөлнең кулың белән бармагың* (Ты мой алый цветок, лепестки цветка руки и пальцы твои (Ш.Бабич «Кил, Сабия!»- («Приди, Сабия!»).

Цветономинации *красный/ кызыл*, выступая в обоих языках эпитетами, являются символом революционного, партийного, советского (ср.: *красные, красногвардейцы* — *кызыллар*). Особенно широко данное значение представлено в татарских поэтических текстах, где в роли поясняемых слов выступают лексемы *байрак*, *әләм*, *такта*, *юл*, например: *Гаһед кылдым, ямин иттем, кызыл байрак тотып кулга* <...> *Альмын ясан, тугәрмен кан шушы изге кызыл юлда* (Я слово и клятву дал, держу в руках красное знамя <...> *Наберусь сил и пролью кровь на этом святом и красном пути (М.Гафури «Ант» — «Клятва»); Кемнәр эшли фабрик-заводларда./ Кемнәр тауташларны актара./ Без шуларның исемен хөрмәт итеп/ Язабыз шул «Кызыл такта»га... (Кто работает на заводах и фабриках./ Кто великие дела творит./ Мы их имена с почетом/ Пишем на «Красной доске» (М. Гафури «Кызыл тактага» — «На красной доске»).*

Помимо всего прочего, отмечены случаи, когда сочетаемость обусловлена не объективным содержанием лексем, а коннотативным, при этом световое восприятие порождается внутренними ощущениями, эмоциональным состоянием героя или автора: *Уж сквозит рас-*

свет багряный, / Дышит холодом расцвет!
(И.А. Бунин «Долог был во мраке ночи»); ...
в этой мирной неге с благосклонностью
принимает прощальные прикосновения
налитых печальным багрянцем отблес-
ков, словно ласковый знак внимания со
стороны светила, которое медленно ухо-
дило теперь за древние и загадочные горы
(А.И. Куприн «Чайки»); В дальней темной
деревушке все стекла горят **празднич-
ным красным светом заката**: точно там
справляют свадьбу (А.И. Куприн «Груня»);

Кояш иңгән як офыкта бөдрәләнеп
торган сыек болытлар, алтынлы пар-
чалар төсле, күз камаштырырлык **ачык
алсу нурга** манчылганнар, агач, башлары-
на, водокачка чанына һәм шулай ук ке-
шеләрнең йөзләренә дә беленер-беленмәс
кенә алсу шәүләләр төшерәләр, **матур
һәм дәртле моңлылык биреп торалар**.
(Редкие волнистые тучки на закате, ос-
вещенные снизу ярко-оранжевые, отли-
вами ослепительной золотой парчой, едва
уловимый розоватый отсвет падал на
кроны ветел, на чан водокачки, а также
на лица людей, придавая всему красоту,
навевая светлую грусть (Ш. Камал «Ког-
да рождается прекрасное» — «Матур ту-
ганда»).

Итак, семантика цветообозначений
красного тона в сопоставляемых язы-
ках характеризуется, с одной стороны,
высокой степенью сходства, наличием
универсальных свойств, что свидетель-
ствует о всеобщности когнитивной де-
ятельности в разных лингвокультурных
обществах, а с другой стороны — суще-
ственными различиями, подчеркиваю-
щими специфику членения мира.

Таким образом, сопоставление на
уровне лексики и грамматики русского
языка с татарским, соотношение значе-
ний слов, их сочетаемости, выявление
лексики с национально-культурным
компонентом значения (безэквива-
лентная, коннотативная, фоновая), ус-
тановление основных трудностей, с
которыми могут столкнуться учащие-
ся-татары при изучении системы рус-
ского языка и ее функционирования в
пространстве художественных текстов,
позволяют правильно решать вопросы,
связанные с отбором дидактическо-
го материала и организацией учебного
процесса. Знание и учет сходств и раз-
личий в сопоставляемых языках делают
работу учителя-словесника в татарской
школе более успешной и эффективной.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алимпиева Р.В. Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы: На материале прилагательных цветообозначений в русском языке / Р.В. Алимпиева. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. — 184 с.

2. Закирьянов К.З. Сопоставление языков как методический прием / К.З. Закирьянов // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — Казань: РИЦ «Школа», 2005. — С. 96–97.

3. Морковкин В.В. Идеографические словари и обучение языку / В.В. Морковкин // Вопросы учебной лексикографии. — М., 1969. — 145 с.

4. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость / Е.В. Рахилина. — М.: Русские словари, 2000. — 416 с.

5. Юсупов Р.А. Вопросы перевода, сопоставительной типологии и культуры речи / Р.Юсупов. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. — 383 с.

Summary

This article is devoted to functional particular qualities of color naming in Russian and Tatar languages. (based on fiction materials).